

Лирика Е. А. Боратынского ¹⁾.

Второй периодъ дѣятельности Боратынскаго-лирика тѣсно связанъ съ первымъ не только общностью нѣкоторыхъ основныхъ мотивовъ и преемственностью, но и тѣмъ, что второй циклъ творчества охватываетъ собою и первый, подвергая его переработкѣ въ отношеніи какъ формы, такъ и содержанія. Сравнительно небольшое количество стихотвореній, относящихся къ періоду 1827—1835 гг., далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ размѣрамъ поэтической работы Боратынскаго, очень продуктивной въ это время: поэтъ замыкался въ себя и творилъ для немногочисленнаго кружка людей. „какъ онъ уединенныхъ въ свѣтѣ“, и многое изъ написаннаго имъ въ этотъ періодъ осталось для насъ неизвѣстнымъ и, повидимому, безслѣдно пропало; еще большая часть поэтической работы уходила на исправленіе старыхъ стихотвореній, и это исправленіе указываетъ на характерныя особенности Боратынскаго во второмъ періодѣ его литературной дѣятельности. Указанныя особенности второго періода значительно осложняютъ задачу изслѣдователя, создавая трудности въ опредѣленіи объема поэтической мысли и ея выраженій въ 1827—1835 гг., но облегчаютъ работу въ выясненіи рѣзкихъ индивидуальныхъ чертъ въ лирикѣ Боратынскаго за данный періодъ.

Въ 30-хъ годахъ Боратынскому казалось, что „время индивидуальной поэзіи прошло, другой еще не созрѣло“, но въ дѣйствительности индивидуальная поэзія только-только вступала въ настоящую фазу своего развитія, и однимъ изъ наиболѣе яркихъ поэтовъ-индивидуалистовъ является именно въ это время (а также и въ третій періодъ—въ 1835—1842 гг.) самъ

¹⁾ См. „Русская Старина“, май 1914 г.

Боратынскій. Поэтъ особенно часто задумывается о поэзи, ея назначеніи и средствахъ выраженія, и приходитъ къ выводу, что „на свѣтъ нѣтъ ничего дѣльнѣе поэзи“; въ разрѣзъ съ этимъ положеніемъ шло слагавшееся въ немъ убѣжденіе объ индивидуальной поэзи, время которой прошло, и онъ порой готовъ былъ отказаться отъ своей поэзи и говорилъ:

Все проходитъ. Остываю
 Я и къ гармоніи стиховъ:
 И какъ дубровъ не окликаю,
 Такъ не ищу созвучныхъ словъ.

Но не переставалъ поэтъ искать созвучныхъ словъ и новыхъ формъ, и въ это время, въ началѣ 30-хъ годовъ, его муза окончательно принимаетъ черты „необщаго выраженья“, отказываясь и освобождаясь отъ всѣхъ условностей, подъ вліяніемъ которыхъ образовался поэтический обликъ Боратынскаго въ 20-хъ годахъ.

Поэтическія условности способствовали развитію техники и учили поэтическимъ формамъ Боратынскаго, но въ то же время сковывали поэта застывшими рамками и стѣсняли выраженіе и развитіе индивидуальной, своей особенной лирической мысли. Въ 30-хъ годахъ работа Боратынскаго надъ старыми стихотвореніями идетъ въ новомъ направленіи: въ отрѣшеніи отъ условностей, въ исключеніи цѣлыхъ отдѣловъ съ слишкомъ „общимъ выраженьемъ“.

Въ связи съ новыми приѣмами и требованіями, предъявлявшимися имъ къ стихотвореніямъ, Боратынскій стилизуетъ также и форму, доводя ее въ лаконизмъ до послѣдней степени сжатости, порою даже въ ущербъ ясности.

Разъ, въ частномъ разговорѣ, на вопросъ: что такое поэзія,— Боратынскій, любившій выражаться афоризмами (какъ о томъ свидѣтельствуетъ князь П. А. Вяземскій), отвѣчалъ: поэзія есть полное ощущеніе данной минуты.

Такое опредѣленіе поэзи какъ нельзя болѣе подходитъ къ стихотвореніямъ Боратынскаго второго періода, сильнымъ лиризмомъ и какою-то особенной сосредоточенностью и выпуклостью изображенія. Трудно классифицировать лирическія произведенія 1827.—1835 гг., представляющія выраженія лирической мысли въ свободной формѣ; можно, пожалуй, выдѣлить особый видъ небольшихъ стихотвореній, извѣстныхъ подъ названіемъ антологическихъ (такъ называлъ ихъ самъ поэтъ), какъ особенно часто встрѣчающійся въ это время и наиболѣе

любимый поэтъ. Къ такимъ антологическимъ стихотвореніямъ относятся, напримѣръ, „Муза“, „Мой даръ убогъ, и голосъ мой не громокъ“, „Не подражай: своеобразенъ геній“, „Чудный градъ порой сольется“, „Небо Италиі, небо Торквата“ и т. д. Выписываемъ одно изъ такихъ стихотвореній, какъ образецъ выраженія въ сжатой формѣ глубокой и своеобразной мысли:

Старательно мы наблюдаемъ свѣтъ,
 Старательно людей мы наблюдаемъ
 И чудеса постигнуть уповаемъ:
 Какой же плодъ науки долгихъ лѣтъ?
 Что, наконецъ, подсмотреть очи зорки?
 Что, наконецъ, пойметъ надменный умъ
 На высотѣ всѣхъ опытовъ и думъ?
 Что?—точный смыслъ народной поговорки.

Въ антологическихъ стихотвореніяхъ Боратынскаго афористическій стиль достигаетъ своего высшаго развитія и яркой выразительности: въ десяткѣ—другомъ стихотвореній заключено столько мыслей, выраженныхъ художественными афоризмами, что ими приобрѣтаетъ Боратынскій право на имя поэта-мыслителя, поэта мысли.

Постоянныя заботы о возможной сжатости, художественно-афористическій стиль являются одними изъ наиболѣе яркихъ особенностей „необщаго выраженія музыки поэта, выработавшаго свой особый, поразительно мѣткій языкъ, въ которомъ порой экономія словъ затемняетъ ясность смысла и заставляетъ разгадывать загадку, заданную поэтъ сжатою фразой съ неестественной разстановкой словъ“¹⁾.

На-ряду съ небольшими по размѣрамъ стихотвореніями—передачи полнаго ощущенія извѣстной минуты—мы находимъ во второмъ періодѣ и большія стихотворенія, въ которыхъ поэтъ развиваетъ свободно и широко свою мысль въ художественно-значительныхъ и законченныхъ картинахъ. Изъ такихъ стихотвореній обращаютъ на себя особенное вниманіе „Послѣдняя Смерть“, торжественный гимнъ своей родинѣ—„Мара“, ода къ

¹⁾ Валерій Брюсовъ справедливо, какъ намъ кажется, указалъ на причудливое расположеніе словъ, какъ на излюбленную Боратынскимъ особенность его стиля, и приводитъ примѣръ такого стиля: „Предразсудокъ—онъ обломокъ древней правды, храмъ упалъ, но руинъ его потомокъ языка не разгадалъ“. Такихъ примѣровъ съ запутанной разстановкой словъ изъ стихотвореній Боратынскаго можно привести какое угодно количество.

„Смерти“, ода „На смерть Гёте“ и элегія „Запустѣніе“ (такія стихотворенія, какъ „Смерть Багговута“, стоятъ настолько особнякомъ въ творчествѣ поэта, что возбуждаютъ сомнѣнія въ авторствѣ Боратынскаго). Всѣ указанныя стихотворенія отличаются, помимо глубины и значительности мысли, поразительной точностью и отчетливостью рисунка, богатствомъ красокъ, смѣлостью образовъ и необыкновенной энергіей стиха. Такова, на примѣръ, торжественно-мрачная картина въ „Послѣдней Смерти“:

Прошли вѣка, и тутъ моимъ очамъ
 Явилася ужасная картина:
 Ходила смерть по сушѣ, по водамъ,
 Свершалася живущаго судьбина.
 Гдѣ люди? гдѣ?... Сокрылися въ гробахъ.
 Какъ древніе столпы на рубежахъ,
 Послѣднія семейства истлѣвали;
 Въ развалинахъ стояли города;
 По пажитямъ заглухнувшимъ блуждали
 Безъ пастырей безумныя стада;
 Съ людьми для нихъ исчезло пропитанье,—
 Мнѣ слышалось ихъ гладное блеянье.
 И тишина глубокая вослѣдъ
 Задумчиво повсюду воцарилась,
 И въ дикую порфиру древнихъ лѣтъ
 Державная природа облачилась:
 Величественъ и грустенъ былъ позоръ
 Пустынныхъ водъ, лѣсовъ, долинъ и горъ.
 По-прежнему животворя природу,
 На небосклонъ свѣтило дня взошло;
 Но на землѣ ничто его восходу
 Произнести привѣта не могло...
 Одинъ туманъ надъ ней, синѣя, вился
 И жертвою очистительной дымился.

(„Послѣдняя Смерть“, 1827).

Особенно художественно - символической значительности достигаетъ картинность Боратынскаго въ его одѣ „На смерть Гёте“ (1832). Отличительной особенностью, лично Боратынскому принадлежащей, является въ такихъ стихотвореніяхъ его, какъ на примѣръ, „На смерть Гёте“ или „Смерть“ (1828), художественная ясность, конкретность и яркость образовъ, которыми поэтъ передаетъ порой самыя отвлеченныя понятія. Этотъ

смѣлый символизмъ образовъ, посредствомъ конкретнаго передающій отвлеченное, проступаетъ вполне ясно въ самомъ началѣ второго періода, и въ 1828 году мы находимъ такой ясный, смѣлый образъ смерти:

Непонимаемая свѣтомъ,
Рисуешься въ его глазахъ
Ты отвратительнымъ скелетомъ
Съ косою уродливой въ рукахъ.

Ты дочь верховнаго Ээира,
Ты свѣтозарная краса:
Въ рукѣ твоей оливы мира,
А не губящая коса...

И ты летаешь надъ созданьемъ,
Забвенье бѣдъ вездѣ лія
И прохлаждающимъ дыханьемъ
Смиряя буйство бытія...

Ты предстаешь, святая дѣва!
И съ остывающихъ ланитъ
Бѣгутъ мгновенно пятна гнѣва,
Жаръ любострастія бѣжитъ.

И краски жизни безпокойной,
Съ ихъ невоздержной пестротой,
Вдругъ замѣняются пристойной,
Однообразной бѣлизной.

Дружится кроткою тобою
Людей недружная судьба:
Ласкаешь тою же рукою
Ты властелина и раба.

Недоумѣнье, принужденье,
Условье смутныхъ нашихъ дней:
Ты всѣхъ загадокъ разрѣшенье,
Ты разрѣшенье всѣхъ цѣпей.

Такою же пластичностью и конкретностью отличается и „непонятное“ божество—Камена Языкова, у которой:

Во взорахъ пламень вдохновенья,
Огонь восторга на щекахъ,
Быль жаръ хмѣльной въ ея глазахъ

Или румянецъ вождедѣнья...
 Она высоко рождена,
 Ей много славы подобаетъ:
 Лишь для любовника она
 Нарядъ Мѣнады надѣваетъ...

(„Языкову“, 1831).

Въ числѣ особенностей техники Боратынскаго, характерныхъ для всего творчества, но, быть можетъ, наиболее ярко выразившихся во второмъ періодѣ его литературной дѣятельности, отмѣтимъ частое смежное повтореніе, однихъ и тѣхъ же словъ или словъ съ одинаковыми корнями,—приемъ, которымъ поэтъ усиливаетъ, подчеркиваетъ какой-нибудь штрихъ въ образѣ и тѣмъ достигаетъ большей выразительности и особенной гармоніи, на примѣръ:

И кто не довѣрится
 Сіянью ихъ чистому,
 Эфирной ихъ прелести,
Небесной души ея
Небесному знаменью?..

Одѣлася тьмой она,
 Вспылала причудою,
 Закралося въ сердце къ ней.
Лукавство лукаваю! („Лазурныя очи“, 1830).

Звучить *лирическая* младость
 Въ твоихъ *лирическихъ* грѣхахъ. („М. М. Языкову“
 1831).

На все отозвался онъ *сердцемъ* своимъ,
 Что просить у *сердца* отвѣта:

Крылатою мыслью онъ міръ облетѣлъ,
 Въ одномъ *безпредѣльномъ* нашелъ ей *предѣлъ*...

И въ звучныхъ, глубокихъ отзывахъ сполна
 Все *дольное дому* отдавшій... („На смерть Гете“,
 1832).

Что жъ? пусть *минувшее* *минуло* сномъ летучимъ!
 („Запустѣніе“, 1833—1834).

Въ первомъ періодѣ Боратынскій рѣдко пользуется разнообразными размѣрами, предпочитая столь распространенный четырехстопный ямбъ, изрѣдка соединяя его съ двухстопнымъ или трехстопнымъ; рѣдко вводитъ Боратынскій другіе размѣры (хорей и амфибрахій — больше какъ исключенія) и только для

посланій пользуется „извилистымъ, проворнымъ, длиннымъ, склизкимъ“ александрійскимъ стихомъ, который, встати сказать, звучитъ у поэта далеко непрворнымъ и отличается нѣкоторою тяжеловѣсностью.

Въ 1830 году Пушкину надоѣлъ четырехстопный ямбъ, и онъ находилъ, что его пора оставить „мальчикамъ въ забаву“; приблизительно въ это же время начищаетъ и Боратынскій разнообразить свою ритмическую рѣчь новыми размѣрами и новою сложною строфичностью, и даже александрійскій стихъ, пріобрѣтя живость, становится неузнаваемымъ. Слѣдуетъ отмѣтить довольно частое употребленіе пятистопнаго ямба, а также граціозное движеніе и живость короткихъ стиховъ, въ которыхъ Боратынскій какъ бы играетъ пѣонами.

Таковы, напримѣръ, ямбическіе пѣоны въ стихотвореніи „Гдѣ сладкій шопоть“, въ которомъ они способствуютъ передачѣ шопота лѣсовъ:

Гдѣ сладкій шопоть
 Моихъ лѣсовъ?
 Потокъ ропоть,
 Цвѣты луговъ?
 Деревья голы,
 Коверъ зимы
 Покрылъ холмы,
 Луга и доли...

Вспомнимъ также двухстопные амфибрахи въ „Лазурныхъ очахъ“ съ наклономъ къ пѣонамъ, что придаетъ особенную плавность стиху и отбѣняетъ мысль поэта:

Люблю я красавицу
 Съ очами лазурными:
 О, въ нихъ не обманчиво
 Душа ея свѣтится!
 И если прекрасная
 Съ любовію томною
 На миломъ покоитъ ихъ,
 Оя мирно блаженствуетъ;
 Вовѣкъ не смутитъ его
 Сомнѣнье мятежное.
 И кто не довѣрится
 Сіянью ихъ чистому,
 Эфирной ихъ прелести,

Небесной души ея
Небесному знамени?..

Силу, значительность ритма, какъ могучаго орудія поэта, Боратынскій прекрасно сознавалъ и въ этомъ отношеніи не переставалъ работать, совершенствуя музыкальную форму своихъ произведеній и доводя ритмическую выразительность до такой степени силы, какую она имѣетъ въ его „Послѣднемъ Поэтѣ“— въ чередованіи строфъ пятистопныхъ ямбовъ со строфами четырехстопныхъ хореевъ:

Вѣкъ шествуетъ путемъ своимъ желѣзнымъ;
Въ сердцахъ корысть, и общая мечта
Часъ отъ часу насущнымъ и полезнымъ
Отчетливѣй, безстыднѣй занята.
Исчезнула при свѣтѣ просвѣщенья
Поэзіи младенческіе сны,
И не о ней хлопчуть поколѣнья,
Промышленнымъ заботамъ преданы.

Для ликующей свободы
Вновь Эллада ожила,
Собрала свои народы
И столицы подняла:
Въ ней опять цвѣтутъ науки,
Дышитъ роскошь, блещетъ вкусъ;
Но не слышны лиры звуки
Въ первобытномъ раѣ музъ!

Языкъ и тонъ стихотвореній Боратынскаго значительно отличается отъ поэтическаго языка Пушкина и современной ему эпохи какъ употребленіемъ церковно-славянизмовъ, къ которымъ Боратынскій прибѣгаетъ довольно часто, такъ и нѣкоторой экзотичностью словъ и выраженій, экзотичностью, особенно нравившейся поэту.

И въ языкѣ Боратынскій мало слѣдовалъ „за свой вѣкъ увлекающимъ гениемъ“ и, какъ бы въ противовѣсъ ему, создалъ свой собственный, оригинальный своей изысканностью, но часто непонятный въ морфологическихъ и синтаксическихъ образованияхъ. Особенно любилъ поэтъ малоупотребительныя слова въ приемахъ, что придавало какъ будто особенный отбѣнокъ его приемѣ неожиданнымъ поворотомъ:

Имъ безсмертье я привѣчу...
И душѣ моей навстрѣчу („Своенравное прозванье“,
1833—1834).

Не въ дни веселыя живительнаго мая,
 Когда; зелеными вѣтвями помавая... („Запустѣніе“,
 1833--1834) и т. д.

На измѣнчивой землѣ...
 Одинакія крилѣ.

На-ряду съ церковно-славянизмами, Боратынскій такъ же широко пользуется и архаизмами, или же неологизмами, болѣе похожими на архаизмы по своему образованію. И этотъ изысканный, своеобразный языкъ, имѣющій дѣйствительно „необщее выраженіе“, поэтъ выработывалъ сознательно и дорожилъ имъ, какъ своею собственностью: такъ сильна была у Боратынскаго ненависть къ подражанію и къ подражателямъ, что и въ этомъ отношеніи онъ сознательно шелъ своимъ независимымъ путемъ.

Идейное содержаніе стихотвореній Боратынскаго во второмъ періодѣ значительно расширяется, исходя изъ того круга, въ которомъ оно вращалось въ 20-хъ годахъ. Условное, заимствованное отпадаетъ, но остаются въ полной силѣ основныя мысли, и, быть можетъ, ни въ одномъ изъ произведеній Боратынскаго не высказалась такъ ярко и сосредоточенно пессимистическая проповѣдь детерминизма, какъ въ слѣдующемъ стихотвореніи 1834 года:

Къ чему невольнику мечтанія свободы?
 Взгляни: безропотно текутъ рѣчныя воды
 Въ указанныхъ брегахъ, по склону ихъ русла;
 Ель величавая стоитъ, гдѣ возросла,
 Невластная сойти; небесныя свѣтила
 Назначеннымъ путемъ невѣдомая сила
 Влечетъ; бродячій вѣтръ неволенъ, и законъ
 Его летучему дыханью положенъ.
 Удѣлу своему и мы покорны будемъ,
 Мязежныя мечты смиримъ иль позабудемъ;
 Рабы разумныя, послушно согласимъ
 Свой желанія со жребіемъ своимъ,—
 И будетъ счастлива, спокойна наша доля.
 Безумецъ! не она-ль, не вышняя-ли воля
 Даруетъ страсти намъ?..
 О, тягостна для насъ...
 Жизнь, въ сердцѣ бьющая могучею волною
 И въ грани узкія втѣсненная судьбою.

И эта исповѣдь детерминизма принимаетъ въ второмъ періодѣ еще болѣе мрачный характеръ трагическаго разлада разума,

внушающаго „разумнымъ рабамъ“ покорно согласить „свои желанія со жребіемъ своимъ“, и чувства, не могущаго примириться съ узкими гранями, въ которыя судьба втѣснила могучія волны жизни. Въ связи съ такой мрачной теоріей о подчиненности человѣка міру явленій и слѣпому несправедливому року, Боратынскій привѣтствуетъ „разрѣшеніе всѣхъ загадокъ и цѣпей“—освободительницу смерть, замѣняющую невоздержную пестроту красокъ безпокойной жизни „однообразной бѣлизной“, и называетъ смерть „дочерью верховнаго Ээира“ и „свѣтозарною красой“.

Снова поэтъ устремляется за истиной и счастьемъ — и снова не находитъ счастья, а голосъ истины кажется ему тѣмъ могильнымъ голосомъ, который произнесъ бы черепъ, если бы стократно-благой законъ не запечатлѣлъ ему уста молчаньемъ. Въ 30-хъ годахъ Боратынскому иногда казалось, что онъ нашелъ истинное въ прекрасномъ („прекрасное—истинно“—говорилъ поэтъ) и, подобно тому, какъ въ первомъ періодѣ онъ находилъ успокоеніе въ области свободнаго творчества,—развивая эти мысли въ второмъ періодѣ, онъ думаетъ найти и истинное счастье въ области творчества, какъ въ единственной свободной области, не подверженной законамъ слѣпорока. И поэтъ уходитъ въ этотъ свѣтлый, прекрасный, истинный и свободный міръ и говоритъ:

Болящій духъ врачуетъ пѣснопѣнье,
Гармоніи таинственная власть
Тяжелое искупить заблужденье
И укротить бунтующую страсть.
Душа пѣвца, согласно излитая,
Разрѣшена отъ всѣхъ своихъ скорбей;
И чистоту поэзія святая
И миръ отдастъ причастницѣ своей. (1833—1834).

И въ стихотвореніи, обращенномъ къ „А. А. Ф...ой“, поэтъ рисуетъ свободный міръ творчества:

Сей міръ свободнаго мечтанья,
Въ который входитъ лишь поэтъ,
Гдѣ исполненія находятъ всѣ желанья,
Гдѣ сладки самыя страданья,
И идѣ обмановъ сердцу нить. (1833—1834).

Освобожденный отъ порывовъ страстей, поэтъ узрѣлъ огромный очеркъ поэтического міра

И жизни даровать, о лира!
Твое согласье захотѣлъ. („Въ дни безграничныхъ
увлеченій“, 1831).

Вслѣдствіе того, что поэтъ нашелъ міръ, въ которомъ „обмановъ сердцу нѣтъ“, мрачные и скорбные напѣвы его музы являются не исключительными въ это время. Въ міръ явленій царить „свобода глупости и зла“, но онъ спасается отъ этого міра на чудесномъ коврикѣ-самолетѣ

И коврикъ тотъ въ сады жаръ-птицы,
Въ чертоги дивной Царь-дѣвицы
Меня по воздуху несетъ.
Прощай, владѣнье грустной были,
Меня смущавшее досель:
Я отъ твоей бездушной пыли
Уже за тридевять земель. („Бѣсенокъ“, 1828).

Но слишкомъ всевластна „посторонняя суета“, и, врываясь въ поэтическій міръ, суета разрушаетъ его:

Чудный градъ порой сольется
Изъ румяныхъ облаковъ;
Но лишь вѣтръ его коснется,
Онъ исчезнетъ безъ слѣдовъ!
Такъ мгновенныя созданья
Поэтической мечты
Исчезаютъ отъ дыханья
Посторонней суеты. (1829).

И снова грусть охватываетъ поэта, вызывая сомнѣнія въ мгновенныхъ созданіяхъ поэтической мечты, и прекрасное, казавшееся ему истиннымъ, свободное творчество въ искусствѣ представляется ему всего на всего „игрой златой“, и поэтъ почти отказывается отъ творчества, говоря:

Игра стиховъ, игра златая!
Какъ звуки звукамъ отвѣчая,
Бывало, нѣжили меня!
Но все проходитъ. Остываю
Я и къ гармоніи стиховъ—
И какъ дубровъ не окликаю,
Такъ не ищу созвучныхъ словъ. („Бывало,
отрокъ звонкимъ кликомъ“, 1831).

Этотъ мотивъ о значеніи искусства въ жизни, о назначеніи искусства и свободнаго міра „свободнаго мечтанья“ поэта про-

ходить через все творчество Боратынского, начинаясь въ первыхъ его лирическихъ произведеніяхъ и пріобрѣтая наибольшую яркость и остроту въ послѣднемъ періодѣ творчества.

Отмѣтимъ во второмъ періодѣ творчества Боратынского также нѣкоторые мотивы, только намѣчающіеся, но не получившіе настоящаго, полнаго выраженія.

Къ такимъ мотивамъ относится „омраченіе болѣзненной души“ поэта, тщетно порывающагося къ разрѣшенію отъ опутавшихъ его сѣтей:

Когда сей демонъ, наводящій
 На умъ мой сонъ его мертвящій.
 Отыдетъ, чадный, отъ меня,
 И я увижу лучъ блестящій
 Всеозаряющаго дня?...
 Вотще! Я чувствую: могила
 Меня живого приняла,
 И, легкой даръ мой удушая,
 На грудь мнѣ дума роковая
 Гробовой насыпью легла. („Когда исчезнетъ
 омраченіе“, 1833—1834).

Быть можетъ, въ связи съ этой „роковой думой“ находится обращеніе поэта къ дѣтскимъ годамъ („Есть милая страна, есть уголь на землѣ“, элегія Запустѣніе), къ тому времени, когда онъ не былъ „омраченъ виномъ“ и не приходилось убѣгать отъ „противнаго лица незаконнаго наперсника“. Видимо, какая-то „роковая дума“ тревожитъ поэта, и въ неясной, но живо ощущаемой тревогѣ духа заключается, быть можетъ, причина его обращенія къ религіи. Въ „омраченной душѣ“ нѣтъ покоя, и чадный демонъ своимъ мертвящимъ сномъ разрушаетъ царство истиннаго и прекраснаго:

Вотще-ль мольбы? напрасны-ль пени?
 Увижу-ль снова ваши сѣни,
 Сады поэзіи святой?
 Увижу-ль васъ, ея свѣтила?
 Вотще!.. („Когда исчезнетъ омраченіе“, 1833—
 1834).

И поэту начинаетъ брежить новый путь—путь смиренія передъ оправданнымъ Промысломъ, и въ начатой поэмѣ „Вѣра я Невѣріе“ (1830) онъ говоритъ, что „въ смиренія сердца надо вѣрить и терпѣливо ждать конца“, и что

Тамъ, за могильнымъ рубежемъ,
Сіяетъ день незаходимый,
И оправдается незримый
Предъ нашимъ сердцемъ и умомъ.

Эта тревога въ „исслѣдованіи премудрости вышняго Творца“, эта мѣра и оцѣнка земной жизни только намѣчается во второмъ періодѣ: „роковымъ думамъ“ поэта суждено было выразиться наиболѣе законченно въ третьемъ періодѣ, въ періодѣ „Сумерекъ“.

М. Гофманъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

